

«ЛГ» РЕЦЕНЗИРУЕТ

КАЗАЛОСЬ БЫ, не так уж давно Владимир Амлинский — ему было тогда, не в пример нынешним дебютантам, двадцать с небольшим — напечатал в «Юности» свою сразу же замеченную читателями и критикой «Станцию первой любви». А ведь прошло четверть века...

За эти годы Амлинский выпустил много книг, но сейчас мне хочется вспомнить только одну. Завершал ее и дал ей название рассказ «Музыка на вокзале»: «Но вдруг, как обвал, на нас хлынула музыка. Многопудовая, жестяная, могучая вокзальная музыка...»

Открываю новый роман Владимира Амлинского «Ремесло» и читаю: «Вокзалы, ухающая музыка, — тогда эта музыка громыхала над перронами, заглушая напутствия, пожелания, плачи. Со времен войны это осталось — музыка на вокзалах».

Герои «Ремесла» — люди того поколения, которое навсегда запомнило эшелоны и вокзалы военных лет, а затем возросло на трудных просторах целины. От имени этого поколения пятидесятых — шестидесятых и выступает в литературе Амлинский.

Впрочем, «Ремесло» связано с его предыдущими книгами, конечно, не только этим. Перед нами прежде всего очень московский роман. Амлинский всегда много писал о Москве, городе, где он родился, где впервые открывал для себя ценности бытия. Но с такой преданной любовью и с такой поэтической силой, как в «Ремесле», Амлинский, пожалуй, никогда еще о Москве не писал. В ли-

рическом и в то же время драматическом образе постоянно меняющейся своей облик столицы, в пластически выраженном ощущении внутреннего ритма московской жизни с особенной ясностью выразилось возросшее мастерство писателя, четко проявилась его

Роман. Журнал «Новый мир», №№ 10—11. 1983.

ГЛАВНОЕ ОЖИДАНИЕ

художественная индивидуальность. Читая «Ремесло», без труда угадываешь своеобразную творческую манеру Амлинского — поэтическую интонацию рассказчика, ее обнаженную исповедальность, знакомую еще по «Станции первой любви».

Молодой художник Юра Афанасьев, от имени которого ведется рассказ, как и автор романа, — коренной москвич. Вот как он говорит о Москве: «У меня был только мой гигантский и все разрастающийся город. Но я родился в нем и не мог его судить как чужой».

Герои романа «Ремесло» — молодые художники, но уже с порога ясно, что писателя занимают не специфические проблемы живописи или графики, а некие общие законы творчества, мучительные поиски правды в искусстве, жизненных его истоках, мастерства, способного выразить то, что диктует художнику время, что он чувствует, что должно быть воплощено в его трудах.

Амлинский часто пишет от первого лица, но это вовсе не значит, что главным героем его повествования всегда оказывается рассказчик. Подлинный герой «Ремесла» — Юра Афанасьев, а Борька Никитин. Поначалу роман так и назывался — «Борька Никитин». Этот паренек в свое время приезжает в Москву из Рыбинска с двумя картинками — «Отец» и «Мать». Они сразу поражают Юру и его друга Сашку. Потом все трое оканчивают институт. Вниманием писателя цели-

ком завладевают Юра и Борька — близкие друзья, одинаково преданные искусству, знающие, что такое счастье творчества, связанные не только студенческими воспоминаниями, но и общей судьбой, и в то же время натуры, противоположные друг другу, в очень многом антиподы. После окончания института Юра и Сашка остаются в Москве, Борька же — может быть, самый талантливый из них — обосновывается в маленьком подмосковном городке. Юра испытывает вечное недовольство собой. Ему постоянно кажется, что все в его жизни не так, как задумывалось и хотелось.

«Жадность к работе, тяга, азарт, радостное ожидание завтрашнего дня» — все это хорошо знакомо Юре, но гораздо чаще им владеет чувство мучительной неудовлетворенности собой и своей работой.

Мастер — крупный художник, много сделавший для искусства, не раз испытывавший счастье свободного и раскрепощенного творческого труда, — уже на первых страницах романа говорит Юре, что чистая живопись «лишь закладка, лишь основа, только материал, а там дальше она растворяется в Ремесле...». Но даже и совсем юный, только еще поступающий в институт Юра вряд ли верит Мастеру и во всех его словах о Ремесле с большой буквы смутно ощущает некую драму, переживаемую самим Мастером. Впоследствии у него будет подробный разговор с Мастером об искусстве, и он окончательно убедится, что и Мастер, несмотря на окружающее его всеобщее признание, испытывает то же постоянное недовольство собой, что и ему не удастся до конца выразить себя в искусстве.

Если Юра Афанасьев целиком открывается перед нами со всеми его мучительными поисками и метаниями, то Борька Никитин, наоборот, замкнут в себе. Занят он в своем Подмосковье разного рода ремесленными поделками, да еще учит рисованию питомцев местного интерната (кстати сказать, фигура мальчика Егора, воспитываемого Никитиным и

преследуемого пьяницей-отцом, — одна из удачнейших в романе). В замкнутости Никитина ощущаются внутренняя твердая убежденность и тайная сила. Именно то, чего так не хватает вечно мятущемуся Юре Афанасьеву, Юре не дано до конца понять своего друга, но он сознает, что Борька «всегда делает то, что хочет, что считает единственно верным... только то, что ему необходимо, только это...».

В романе «Ремесло» речь идет о нелегких и полных драматизма человеческих судьбах. Это не относится разве лишь ко второму другу Юры Афанасьева — Сашке, чья судьба вполне ясна и благополучна. Не поэтому ли он и находится на периферии романа?..

Зато полны драматизма судьбы инвалида Отечественной войны Арчила, сапожника по профессии, живописца по призванию (на одном из его натюрмортов «длинные огурцы плыли на блюде, как аэроплатаны»), или безвестного художника Станислава Степановича, некогда учившего Юру рисованию в изостудии Дома пионеров. Оба они уходят из жизни, не выразив себя, не сказав людям того, что могли и должны были сказать.

Короче говоря, любителям легких путей и благополучных развязок лучше не браться за чтение романа «Ремесло». Драматизм, которым проникнут роман, не вымышлен, не привнесен извне, а почерпнут из жизни и глубоко выстрадан самим рассказчиком.

В то же время при всем драматизме их еще далеко не завершенных жизненных и творческих биографий герои романа Юра Афанасьев и Борька Никитин — как, впрочем, и возвышающийся над ними лишенный фамилии почти символический Мастер, олицетворение старшего поколения людей искусства, — в общем-то, счастливые люди.

Через весь роман, внутренне организуя его достаточно сложную и порой нестройную сюжетную структуру, проходит единая глубоко оптимистическая тема — тема ожидания, вечного, как сама жизнь. Тема Главного ожидания...

Обдумывая сложные обстоятельства своей жизни, Юра Афанасьев размышляет: «Все это были лишь частности ожидания, его составные, вливавшиеся в океан Главного ожидания».

И тут же сам обрывает себя: «Что за мистика, что за Главное ожидание?»

Но в финале романа Юра возвращается все к тем же напряженным размышлениям: «Ожидание... Ожидание всегда владело нами. Это была вечная страсть к переменам, к поиску, обновлению».

Этой «вечной страстью к переменам, к поиску, обновлению» и одержимы герои романа «Ремесло».

Л. ЛЕВИН